

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора философских наук, профессора, профессора кафедры философии, культурологии и политологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет» Воскобойникова Анатолия Эммануиловича на диссертацию Андромонова Дмитрия Константиновича на тему «Конформизм и нонконформизм в обществе постмодерна (социально-философский анализ)», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия

Актуальность. Тема диссертации, безусловно, является востребованной, особенно в контексте проблематики современного социально-философского знания. Подобная актуальность – и в этом я солидарен с диссертантом – обусловлена прежде всего отсутствием концептуального согласия в отношении конформизма и нонконформизма среди представителей различных научно-гуманитарных школ и направлений. Другие научно-поисковые стимулы, по правомерному мнению диссертанта, вызваны системными трансформациями, затронувшими в середине XX века, прежде всего, западные сообщества. Эти изменения, несмотря на заметную неоднозначность в определении понятий и концептуальные разногласия в отношении «постмодерна» вообще и «общества постмодерна» в частности, все же имели и имеют определенный объективный характер. Свойственный для информационного общества (или, по терминологии диссертанта, «общества постмодерна») ценностный релятивизм и вытекающий из него ценностный плюрализм, а также принципиально новые формы социализации и социальной идентификации еще больше затрудняют анализ конформистского и нонконформистского типов деятельности и поведения в современном обществе.

Как отдельный аспект актуальности работы диссертант вполне обоснованно выделяет необходимость прогнозирования доминирующих социальных тенденций и гипотетических социальных рисков. И конформизм, и нонконформизм при высокой динамике определяющих социальных тенденций современности – глобализации и информатизации – связаны с рядом харак-

терных опасностей. С одной стороны – это угрозы авторитаризма и тоталитаризма, с другой – опасности политического экстремизма и терроризма.

Степень достоверности результатов исследования. Данные, полученные диссертантом в ходе написания диссертации, отличаются достоверностью, подтверждаемой адекватностью выбранных методов исследований. Во введении убедительно обосновывается актуальность выбранной темы и формулируются общие методологические ориентации. Цели и задачи, заявленные во введении, на мой взгляд, в основном реализованы в содержании работы и отражают логику исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и библиографического списка. Работа обладает четкой структурой – материал излагается последовательно и логично. Стил ь изложения также заслуживает одобрения. Теоретическая и практическая значимость результатов работы не вызывают сомнений. Следует отметить, что методологические основания исследования диссертантом использованы очень неплохо. Он удачно воспользовался и методом структурно-функционального анализа, и методологическими приемами конструктивизма и интерпретации, и методом моделирования. Без использования этих и других методов, указанных автором, глубоко и всесторонне изучить конформизм и неконформизм было бы вряд ли возможно.

Степень обоснованности научных положений и новизна. Первая глава диссертационного исследования посвящена концептуальным и методологическим разногласиям в социально-гуманитарном знании в отношении и самих феноменов конформизма и неконформизма, а также соответствующих терминов, границ и возможностей их применения в социальной философии. В первом параграфе диссертант указывает на ряд возможных контекстов научно-гуманитарного знания, в пределах которых так или иначе возникает данная проблематика и обращается к исследованиям теоретиков, работавших с ней. Может показаться странным, что философский анализ диссертант начинает с психологического аспекта этих феноменов. Но он обосновывает это тем, что в психологии и социальной психологии феномен конфор-

мизма изучался довольно давно, в то время как в социальной философии и теоретической социологии конформизму, и тем более нонконформизму, уделялось (да и сейчас уделяется) значительно меньше внимания.

Диссертант выделяет два возможных подхода к конформизму и нонконформизму, основанных на противоположных принципах: принципе социальной ответственности и принципе социальной инертности. В диссертации удачно продемонстрировано, что приверженность какому-либо из этих принципов, а также базовые аксиологические посылки в социальной теории и различные комбинации их положений формируют в социально-гуманитарном знании три дискурса конформизма/нонконформизма: нормативный, релятивный (или нейтральный) и критический. Этот сюжет обладает всеми признаками научной новизны и в целом довольно интересен: во-первых, потому, что диссертант этим обозначает и границы действия этих типов социального поведения, с одной стороны, и границы и условия понимания того, что есть конформизм и нонконформизм, с другой. И с этим, вероятно, следует согласиться. Далее диссертант раскрывает основания и логику формирования этих трех различных дискурсов конформизма/нонконформизма. У истоков нормативного дискурса находятся работы Э. Дюркгейма, Ч. Кули и М. Вебера, затем творчески переработанные и оформленные в синтетическую структурно-функциональную теорию общества американским социологом Т. Парсонсом и дополненную Р. Мертоном. Оба при этом рассматривают социальный конформизм в качестве основы общественного порядка. А на индивидуальном уровне, по Т. Парсонсу, это – стремление разделять нормы и ценности сообщества.

Релятивистский или нейтральный дискурс, в свою очередь, включает в себя работы исследователей, не согласных с местом и ролью ценностей и норм в социальной организации (Н. Луман, Ю. Хабермас, П. Бурдьё), а также не согласных с интерпретацией нонконформизма как преимущественно негативного явления (Р. Дарендорф, Л. Козер, Э. Лемерт, Г. Беккер).

Критический дискурс отличается от релятивистского более радикальной постановкой проблемы власти и постулирующих авторитарный характер социокультурных и социально-политических структур западных обществ (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм). Стоит обратить внимание на то, что подчеркивая недостатки и достоинства социальных теорий, диссертант формулирует собственные дефиниции понятий конформности и неконформности.

Вторая глава посвящена трансформациям конформизма и неконформизма в русле социально-исторической динамики "общества постмодерна". В первом параграфе диссертант обоснованно различает "социологию постмодерна" и "постмодернистскую социологию", впоследствии включая последнюю в релятивистский дискурс. Следует отметить, что своеобразную новизну несет предложенная диссертантом периодизация "эпохи постмодерна", обусловленная динамикой неконформистских тенденций. Мне кажется, что анализ различий феноменов конформизма и неконформизма в "раннем" и "позднем" постмодерне, предложенный диссертантом, вызовет немалый интерес. Заключительные параграфы раскрывают специфику проявлений указанных феноменов в социально-политической сфере и в области культуры. Помимо ряда теоретических замечаний о границах применения понятий конформизм и неконформизм в отношении тоталитарной и демократической моделей общества, диссертант указывает на одну характерную для социально-политической реальности закономерность. Она заключается в том, что риски возникновения серьезных неконформистских тенденций коррелирует с гипотетической остротой конфликтов, допускаемых политической структурой общества. Это довольно любопытное наблюдение, но, на мой взгляд, оно нуждается в более обоснованных доказательствах. В третьем параграфе речь идет о движении контркультуры как реализации системного неконформизма в обществе "раннего" постмодерна. Стремительный расцвет, а затем столь же стремительное угасание контркультуры и участия масс в протестных движениях приводят диссертанта к формулировке нескольких интересных гипотез. Существенным в плане оценки новизны работы является взгляд на

события рубежа 60-х – 70-х годов XX века как на точку перехода от раннего постмодерна, все еще сохраняющего по инерции культурные и политические структуры модерна, к постмодерну «позднему» – постмодерну «в чистом виде». Еще более важным, как с точки зрения новизны, так и с точки зрения самой логики исследования является тезис о фактически симулятивном характере нонконформизма как типа социального поведения и нонконформизма как идеологии в позднем «обществе постмодерна». В заключение диссертант также намечает некоторые перспективы дальнейших исследований феноменов конформизма и нонконформизма в современном обществе, находящемся в состоянии перманентного развития и изменения.

Таким образом, основные положения исследования представляются достаточно обоснованными. При этом, давая диссертационной работе общую положительную характеристику, хочу вместе с тем высказать ряд пожеланий, замечаний и возражений:

1. Диссертант использует в своем исследовании весьма обширный массив научно-философской литературы. Само по себе это можно только приветствовать. Но местами анализ носит обзорно-информативный характер, которому в какой-то мере не хватает более фундаментальной личной проработки.

2. Диссертация приобрела бы гораздо большую многосторонность и глубину, если бы диссертант расширил круг используемых научных и философских понятий, а те, которые он уже использует - диалектически расширил и углубил. Так, например, критично обсуждая проблему нонконформизма, важно было углубить это понятие и в *позитивном* аспекте, вовлекая его в «семейство» таких понятий, как новаторство, творчество, фантазия и др.

Двулик (а точнее - многолик) не только нонконформизм, но и сам конформизм. Категории конформизм и нонконформизм раскрылись бы полнее, многопланово взаимодействуя с такими категориями как нигилизм, либерализм, отчуждение, идентификация, толерантность, новаторство, консерватизм, революционизм и др.

3. Социальной ареной, на которой разворачивается основная проблематика диссертационного исследования, избрано так называемое «общество постмодерна». Диссертант зачастую отождествляет его с постиндустриальным (или информационным) обществом. На самом же деле масштабность «общества постмодерна» имеет меньше материально-технических и социокультурных «измерений», чем информационное (или постиндустриальное) общество. Это достаточно разномасштабные общества. В масштабах современного информационного общества проблема конформизма-нонконформизма, изучаемая диссертантом, выходит за пределы одной только постмодернистской парадигмы.

Именно переход глобального общества к преобладанию информационного фактора развития привел к фундаментальным преобразованиям всей культуры и социальной жизни. В результате неудержимо возросли темпы как материально-технического, так и социокультурного развития. Именно информационное общество представляет принципиально новый тип цивилизационной и социокультурной формации, не *обрывая*, а *продолжая* историческое развитие. Тысячелетиями человечество жило в мире, в котором определяющую роль играли, прежде всего, материальные процессы. Вступая в информационное общество, человечество (со всем богатством материально-технических и духовно-культурных ценностей) переходит в мир, в котором, условно говоря, «центр осмысления и управления» постепенно все больше смещается в знаково-смысловую сферу. Роли материального базиса и духовной надстройки в социально-историческом развитии становятся все более соразмерными.

4. Мне кажется, в диссертации можно было более критично проанализировать некоторые постмодернистские принципы (например, «идею-фикс» о *тотальной* плюральности и принципиальной несводимости к чему-то единому и закономерному, или идею об обезличенности всех индивидов и т.п.). Что касается постмодернистской критики науки, то на самом-то деле научные нововведения обычно не отменяют (как полагают постмодернисты), а

частично ограничивают область применения того или иного научного принципа, показывая его не универсальный характер. Даже радикальная научная (и социальная) революция что-то оставляет от предыдущего этапа развития научного знания или общества.

Что касается принципа иерархичности в структурном анализе системы, то и он не потерпел полное фиаско. Просто возникло понимание многообразия и множественности реализуемых структур. Оказалось, что высокоорганизованные системы способны сохранять целостное единство даже при определенной функциональной полицентричности.

Другими словами, на смену принципа единственного центра иерархичности пришло вовсе не признание хаотичной бесструктурности, царящей в мироздании или человеческом сообществе. Пришло понимание гораздо большего разнообразия как природных, так и социальных *многоцентрированных систем*. Историческая ситуация возрастающей социальной неупорядоченности, воспроизводимая постмодерном как неотвратимый тупиковый финал, на самом-то деле оказалась некой «развилкой» - аттрактором для дальнейшего развития.

Важно, чтобы многообразие вело не к «конфликту цивилизаций», а к диалогу и сотрудничеству. Культивирование многообразия при сохранении фундаментального единства в целеполагании и допустимых средствах – таков наиболее эффективный путь выживания рода человеческого.

5. Вне диссертационного рассмотрения осталась творческая деятельность. Во веки веков, но особенно в критическое судьбоносное время крайне востребованы творчески инициативные люди, нацеленные на высшие нравственные и интеллектуальные ценности. Проблема конформизма-нонконформизма дополнительно могла бы своеобразно раскрыться при рассмотрении реальности как совокупности креативных процессов. Любое продуктивное творчество – это своеобразный нонконформизм по отношению к устоявшимся канонам. Творчество испокон веков (т.е. еще задолго до появления постпозитивизма) не избегало логических и эпистемологических про-

тиворечий. Нонконформизм гения дает пример наиболее плодотворной реализации потенциала свободы. Он «свой» человек будущего среди «чужих» ему современников.

6. Чем выше уровень организации системы, тем больше ее развитие задается не только прошлым и настоящим, но и элементами нарождающегося будущего. Особенно ярко это проявляется в социально-исторических масштабах. Лучший индикатор настоящего – это проектируемый в нем вариант будущего. Среди социально-значимых, наиболее жизненно важных вопросов вроде - Что? - Как? - Почему? есть и такой животрепещущий вопрос: - А во имя чего? Именно ответ на него задает высшую нравственную и смыслообразующую планку для всех остальных поисков и решений. В диссертации речь больше идет о непосредственном прогнозировании. Глобальная проблема общечеловеческого выживания (и соответствующие конформистские и нонконформистские позиции) проработаны в меньшей мере. В то же время можно было развернуть эту перспективную ориентацию, полнее опираясь хотя бы на концепции франкфуртской школы.

7. Наконец, замечание из серии пожеланий на последующие исследования. Крайне интересно было бы сравнить конформизм, нонконформизм и отчуждение не только в каких-то *зарубежных* или *абстрактно-универсальных* проявлениях. Возможно, опираясь на наработанный теоретический и методологический потенциал, соискатель в недалеком будущем проанализирует *отечественные* проявления конформизма, нонконформизма, отчуждения и т.п., скажем, при советской власти, в период перестройки или на нынешнем этапе развития страны. Своеобразно обсуждаемые в диссертации процессы проявлялись в отечественном искусстве. Долгие годы при советской власти искусство существовало как в форме широко распространенного и официально признанного, так и в форме неофициального и «гонимого». Ныне «нонконформистское искусство» не преследуется, но порою само частично трансформируется в официальный гламур (кстати говоря, это до-

полнительная иллюстрация к тезису диссертанта о возможной дерадикализации и «раздвоении» неконформизма).

В то же время высказанные замечания не умаляют достоинств диссертационного исследования. Автореферат и публикации соискателя, в том числе пять статей, опубликованных в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации адекватно отражают ключевые положения диссертации.

Диссертация Д.К. Андрамонова «Конформизм и неконформизм в обществе постмодерна (социально-философский анализ)» полностью соответствует п.9 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор достоин присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор,

профессор кафедры философии, культурологии и политологии

Автономной некоммерческой организации

высшего образования

«Московский гуманитарный университет»

А.Э. Воскобойников

Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5

Тел. 8 (499) 374-55-11

E-mail: laer_tino@mail.ru

